

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ В РИТОРИКЕ ОРГАНИЗАЦИИ «БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ»^{1*}

**Елена
Самойлова**

helenaxsam@gmail.com

В настоящей статье анализируются современные тенденции в идеологии и стратегии организации «Братья-мусульмане» («Братство», БМ). После политических неудач, связанных с событиями Арабской весны и свержением правительства Мухаммеда Мурси в Египте в 2013 году, движение переживает очередной период трансформаций, переходя от прямой политической деятельности к идеологическому обновлению. Исторически движение демонстрировало способность адаптироваться к самым разным условиям, часто используя идею цивилизационного возрождения как основу для сохранения идеологической актуальности в меняющихся условиях. На фоне недавнего кризиса руководства и увеличивающегося внешнего давления переосмысление концепции исламской цивилизации может стать рабочим инструментом для сохранения влияния группы.*

Ключевые слова: «Братья-мусульмане», исламское возрождение, идеологическая адаптация, цивилизационный дискурс, политический ислам.

**Елена Евгеньевна
Самойлова**

Институт востоковедения
Российской академии наук

1 *Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

MUSLIM CULTURAL PRACTICES IN RUSSIA

Elena E. Samoilova

helenaxsam@gmail.com

This article analyses current trends in the ideology and strategy of the Muslim Brotherhood (MB). Following the political setbacks associated with the events of the Arab Spring and the overthrow of the government of Mohamed Morsi in Egypt (2013), the movement is experiencing another period of transformation, moving from direct political activity to ideological renewal. Historically, the movement has demonstrated the ability to adapt to a variety of conditions, often using the idea of civilizational revival as a basis for maintaining ideological relevance in changing conditions. Against the backdrop of the recent leadership crisis and increasing external pressure, rethinking the concept of Islamic civilization may become a working tool for maintaining the group's influence.*

**Elena E.
Samoilova**

*Institute of Oriental
Studies of the Russian
Academy of Sciences*

Keywords: *Muslim Brotherhood, Islamic revival, ideological adaptation, civilizational discourse, political Islam.*

ВВЕДЕНИЕ

Динамика движения «Братья-мусульмане»¹ (далее — «Братство», БМ) отличалась в зависимости от локации, на которой действовало то или иное ее подразделение. В 2010–2011 гг. «Братство» пережило период повышенной активности в ходе трансформации политических процессов после событий Арабской весны. Этот период характеризовался не только растущим влиянием «Братства» в нескольких странах Ближнего Востока и Северной Африки (в частности, в Египте), но и разработкой политических и стратегических подходов, принятых отделениями в разных контекстах, что раскрыло масштабы международных связей БМ. Однако свержение правительства Мухаммеда Мурси в Египте и последующее давление на организацию стали большим потрясением не только для египетского крыла, но и для всего движения. С 2013 года БМ периодически сталкивается с кризисами руководства, связанными с внутренней борьбой за власть. Особенно заметными эти кризисы стали после того, как в 2020 году в Египте был арестован Махмуд Эззат, на тот момент исполняющий обязанности верховного лидера БМ. Последствия этого раскола все еще оказывают влияние на функционирование организации.

В соответствии с теорией социальных движений «Братство» находится на переломном этапе циклического паттерна стратегических колебаний (Tarrow, 1994), будучи вынужденным адаптировать свои подходы в ответ на изменения политического контекста и внутренней динамики. Если во время Арабской весны и период после нее деятельность движения была преимущественно публичной, то текущая фаза отличается значительно большей закрытостью. Общая закономерность, наблюдаемая в социальных движениях, указывает на то, что за фазами мобилизации следуют периоды интроспективного переосмысления, направленные на идеологическую консолидацию и стратегическую перестройку (Della Porta & Diani, 2020).

В настоящий момент ситуация такова, что несколько центров власти конкурируют за легитимность, при этом в их риторике не наблюдается стремления к объединению. Однако более важно то, что этот период определяется попытками переформулировать идеологические и теологические основы, формирующие идентичность движения, с целью его возрождения. Это обновление направлено на укрепление идентичности, которая будет не только узнаваемой и значимой для последователей, но и предоставит альтернативную идеологическую рамку, позволяющую «Братству» вновь утвердиться в качестве жизнеспособной альтернативы в мусульманских обществах. Эти усилия предпринимаются в русле исламского возрождения — подхода, который характеризовал БМ с момента создания. Исламское возрождение — это концепция, направленная на возврат к фундаментальной дисциплинированной основе ислама, как ее понимают политические исламские группы, и к тому, что широко понимается как исламские ценности, принципы и практики в личной, социальной и политической сферах (Ali, 2012, pp. 60–97). Это часто воспринимается как реакция на так называемый моральный и культурный упадок или иностранное влияние, а также как попытка продемонстрировать значительный потенциал ислама в адаптации к современному порядку и модернизации (Яхьяев, 2020, с. 38–46).

При этом стоит отметить, что исламское возрождение как явление не связано исключительно с «Братством». Оно являлось ключевой характеристикой большинства

1 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

исламистских движений (Джамаат-и-Ислами², Таблиги Джамаат³, Аль-Каида⁴ и другие). В этой связи стремление к возрождению или, если точнее, переопределение исламской идентичности сыграло важную роль в эволюции идеологии БМ. Некоторые группы в рамках глобальной организации пытаются позиционировать движение как легитимного представителя мусульман, делая акцент на возврате к основополагающим принципам ислама. Отсюда важно понимание изменений в теологических и идеологических парадигмах отдельных филиалов движения, что имеет значение для осмысления последствий текущего этапа не только для самой организации, но и для более широкого круга исламистских сил, а также политической динамики Ближнего Востока в целом.

Прежде чем перейти к основному изложению, необходимо уточнить основные препятствия, с которыми сталкивается каждый исследователь, занимающийся подобной темой. Во-первых, внутренняя фрагментация БМ значительно осложняет изучение деятельности движения. Кроме того, закрытость организации ограничивает доступ к внутренним дискуссиям. Во-вторых, «Братья-мусульмане» не раскрывают историю и характер своего присутствия во многих странах, где они действуют. Множество исламистских движений и групп в настоящее время соответствует идеологическому спектру БМ, однако по причине намеренного избегания аффилиации с организацией они не могут быть с точностью идентифицированы как ее часть. Все это затрудняет качественный анализ их деятельности, построение прогнозов и оценку влияния текущей стратегически-идеологической трансформации.

КРИЗИСЫ РУКОВОДСТВА И ИДЕОЛОГИИ

Очевидно, что «Братья-мусульмане» в настоящее время не являются монолитной организацией. На сегодняшний день они столкнулись с раздробленностью в плане идеологии и руководства, положение усугубляется политическими потрясениями и последствиями Арабской весны. Эти кризисы привели к внутренней борьбе за власть и отсутствию единой стратегии; руководство имеет мало легитимности и еще меньше влияния на различные ветви организации. Из-за многочисленных преследований многие члены БМ были вынуждены быстро адаптироваться к различным обстоятельствам.

Однако можно утверждать, что до недавнего времени это едва ли когда-либо серьезно влияло на функционирование движения. Исторически «Братство» являлось высокоцентрализованной организацией с жесткой иерархической структурой. Стратегически важные решения принимались узким кругом лидеров. Этот круг включал Бюро руководства (араб. المكتب الارشاد) — высший исполнительный орган, Совет Шуры (араб. مجلس الشورى) — законодательный орган, и Генерального руководителя (араб. المرشد العام) — верховного наставника, который возглавлял оба органа. Актуальная проблема «Братства» заключается в том, что реализация принятых «наверху» решений становится децентрализованным процессом. Происходит это потому, что различные ветви движения пользуются относительной свободой, когда дело доходит до выбора средств достижения целей (Al-Ananî, 2016, pp. 107–111).

Текущая борьба за лидерство в организации обострилась в 2020 году, когда египетские службы безопасности арестовали Махмуда Эззата. На посту Генерального руководителя

2 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

3 Запрещенная в Российской Федерации экстремистская организация.

4 Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

группы его сменил Ибрагим Мунир, который с 2015 года был заместителем Эззата. Его легитимность оспорил бывший Генеральный секретарь египетского отделения, Махмуд Хусейн, выдвинув на эту должность собственную кандидатуру. С тех пор нестабильность и поиск легитимности стали общими трендами, при этом обе стороны пытаются монополизировать лидерство, искажая устав организации в своих интересах (Abdul Rahman, 2022). Более того, заметно сказались и влияние внешних факторов, например изменения в поддержке со стороны основных международных спонсоров.

Так как оба лидера не проживали в Египте, то БМ раскололись на два противоборствующих фронта: Лондонский — его возглавляет Салах Абдель Хак, который сменил Мунира после его смерти в 2022 году (Dr. Salah Abdel Haq. Acting General Guide, 2024) — и Стамбульский под руководством Махмуда Хусейна. Конфликт усугубляется непрекращающейся информационной войной; каждая фракция обвиняет другую в нарушении устоявшихся традиций и правил движения, обе стороны имеют разные взгляды в отношении баланса между политической активностью и религиозным возрождением. В то время как Лондонский фронт имеет сильную международную направленность и выступает за умеренный и реформистский подход, Стамбульский фронт имеет более сильную связь с деятельностью организации в Египте и подчеркивает сохранение традиционных ценностей «Братства».

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ПОСЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРАЖЕНИЯ

После политических неудач, последовавших за событиями Арабской весны, «Братство» столкнулось со значительными проблемами, касающимися легитимности и идеологической привлекательности. Исторически «Братство» продемонстрировало замечательную способность к идеологической перестановке и стратегической адаптации во времена кризиса. Например, после репрессий 1954 года в Египте при президенте Гамале Абдель Насере «Братья-мусульмане» переключили свое внимание с открытой политической активности на религиозную и социальную работу, что позволило им «остаться на плаву», несмотря на официальный запрет деятельности. В этом контексте их сосредоточенность на религиозной реформе и социальных услугах — строительстве мечетей, больниц, аптек и т.п. — заложила основу для будущего политического участия и предоставила модель для выживания в неблагоприятных условиях, поскольку благотворительные проекты «Братства» не только прибавляли популярности движению, но и увеличивали пожертвования на его нужды (Ражбадинов, 2003, с. 61).

Аналогичным образом, в 1980–1990-х годах БМ столкнулись с еще одним кризисом идеологической легитимности, поскольку этот период отмечался общим ростом радикальных групп. Чтобы в очередной раз не навлечь на себя санкции и сохранить позиции, «Братья» стремились примирить свои традиционные идеологические основы с более прагматичным подходом к участию в политике. Формально организация оставалась незаконной, но сохраняла свои региональные офисы (Wickham, 2002, p. 78) и разработала двойной дискурс: выступая за демократические принципы и политический плюрализм в публичной плоскости, она в то же время внутренне укрепляла приверженность исламскому государству, руководствуясь собственным пониманием шариата.

В июне 2012 года, когда Мухаммед Мурси занял президентский пост, перед лидерами БМ встала задача государственного управления. С поразительной быстротой обнаружили

структурные слабости внутренней политической культуры организации. Мурси и его сторонники из руководства не смогли сформулировать политическое видение Египта, вместо этого демонстрировав неустойчивое политическое поведение, которое отдаляло их от других участников политического процесса, институтов и все чаще — от тех египтян, которые голосовали за них. Сложности процесса принятия решений, внутренние противоречия между лидерами ассоциации и политиками, а также дублирование обязанностей между руководством «Братства» и администрацией президента поспособствовали их быстрому упадку. В конечном итоге те же революционные силы, которые привели к власти «Братство», мобилизовались, чтобы отстранить их, тем самым вернув военное управление в стране.

БМ неоднократно включали новые медиатехнологии в свой коммуникационный репертуар, как только эти технологии становились социальной нормой. Внутри движения шли межпоколенческие конфликты и по этому поводу тоже, но в конечном итоге на первый план всегда выдвигались практическая польза и развитие навыков адаптации. В ходе своей политической институционализации в 2000-х годах они стали пионерами в адаптации новых технологий, чтобы иметь максимально возможное присутствие в публичном пространстве: когда появились веб-сайты, БМ наводнили интернет своими собственными. Когда блоги стали популярными, у «Братьев» появились свои. Когда социальные сети стали актуальными, БМ даже создали свои собственные порталы — «IkhwanWiki», «IkhwanBook» и «IkhwanTube», являющиеся аналогами Wikipedia, Facebook (принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской на территории РФ) и YouTube. Парадоксально, но именно местная поддержка, сформированная через интернет и социальные сети, обернулась для БМ проблемами с доверием после их победы на выборах 2012 года в постреволюционном Египте — в критический момент, когда «Братство» перешло из оппозиции в правительство.

Египетский медиа-ландшафт на протяжении десятилетий характеризовался предвзятостью СМИ. Политические деятели основывали собственные газеты или телевизионные каналы, чтобы иметь возможность доносить послания до широкой аудитории. Когда Хосни Мубарак ушел в отставку, БМ также воспользовались возможностью основать собственные средства массовой информации. В ноябре 2011 года была создана ежедневная газета, названная в честь отделения партии БМ «аль-Хуррия в-аль-Адала» («Свобода и справедливость»), а в октябре 2011 года появился телеканал Mist 25. Иными словами, вместо реформирования уже существующих СМИ под контролем государства представители группы сделали выбор в пользу основания новых партийных СМИ, тем самым вновь как бы противопоставляя себя официальной власти. Такая стратегия и самопозиционирование вместе со слабостью нового правительства привели к массовым беспорядкам в стране.

Вскоре движение БМ было возвращено в то состояние, в котором оно находилось в 1990-х годах. Сразу после военного переворота 3 июля 2013 года их телеканалы и газеты вновь были запрещены. Снова лишившись традиционных средств массовой информации, БМ полагались на интернет-СМИ как на давно зарекомендовавшие себя инструменты. Кроме того, группа использовала формы перформативного сопротивления, которые практиковала с 2010 года, а также включила в свои стратегии марши и сидячие забастовки.

События, развернувшиеся на площади Рабаа-аль-Адавия в августе 2013 года, чрезвычайно важны для изучения истории «Братства», поскольку повлияли и на брендинг, и на

дальнейшее выстраивание их коммуникативной стратегии. Помимо флага, эмблем и лозунгов, непосредственно относящихся к движению, после подавления сидячей забастовки новым символом равнодушных к «Братству» стал особый жест руки — поднятые четыре пальца и сложенный большой. Также появился плакат с изображением руки на желтом фоне со словом «R4BIA». Знак быстро превратился в полноценный механизм пропаганды и распространился за пределы национальных границ Египта, получив особую популярность в Турции. Был запущен вебсайт R4BIA.com на трех языках — арабском, английском и турецком, где объяснялось происхождение символа, публиковались фотографии и видео протестов. На сайте также было размещено письмо, адресованное одним из лидеров «Братства» Мохамедом Бельтаги своей дочери Асме, которая была застрелена во время протестов. Обращение стало классикой пропаганды БМ, поскольку представляет собой хвалебную речь, наполненную символизмом женского мученичества. Это показательно в контексте взаимоотношений БМ с турецкими исламистами, ведь именно Турция стала оплотом бежавших членов организации, где они развернули масштабную деятельность в медиаполе при поддержке местной Партии справедливости и развития.

Вскоре после этих событий почти все руководители БМ были заключены в тюрьму. В декабре 2013 года БМ признали террористической организацией в Египте. К тому времени несколько тысяч бывших членов уже бежали, в основном в Турцию или Великобританию. Там они продолжили кампанию в СМИ в память о случившемся на площади Рабаа-аль-Адавия, используя фотографии в профилях, аккаунты в Твиттере, вебсайты «Ikhwanweb» или «Ikhwanpress», а также телеканалы, которые были основаны изгнанными членами БМ в Турции в конце 2013 года. По сути, это самореферентные каналы, в которых легитимность собственного правления противопоставляется нелегитимности египетской армии (Magued, 2017).

С 2013 по 2015 год представители организации появлялись в телевизионных программах, продолжали активно вести свои страницы в Facebook и Twitter (соцсети, запрещенные на территории РФ), аккаунты на платформе YouTube и многих других интернет-ресурсах. В 2014 году «Братство» открыло собственные телеканалы: Rabia TV, Al-Sharq, Mekammeleen и Al-Watan (ранее Mistr Alaan), в эфире которых члены организации транслировали призывы продолжать борьбу за восстановление демократического режима (Abdel Kader, 2013). Информационная политика «Братства» сводилась к тому, чтобы адаптировать сообщения каналов к запросам зрителей и сформулировать их простым и понятным языком для эффективного взаимодействия с целевой аудиторией. Однако зачастую транслируемые сообщения приобретали более радикальный характер. Например, в 2015 году в Египте заочно осудили двух ведущих телеканала Al-Sharq по обвинению в попытке подстрекательства к насилию против сил безопасности и заговоре против египетского правительства (Daily News Egypt, 2015). В том же году турецкие власти закрыли телеканал Mistr Alaan после того, как один из его сотрудников открыто призывал к убийству президента Египта Абдель Фаттаху ас-Сиси (Istanbul-based pro-MB channel to stop broadcast after Turkish pressure, 2015).

Однако такие случаи являются, скорее, исключениями, поскольку организация на протяжении практически всей истории своего существования использовала политику double-talk, умело балансируя с помощью замалчивания особо острых тем, использования специальных слов и выражений и конечно же двойственности информации не только для внутренней и внешней аудитории, но и для восточной и западной. Такая стратегия на определенных этапах позволила обезопасить организацию от обвинений в радикализме,

а также сориентироваться в особенностях внутренней политики, сохранив при этом свою значимость. Историческая модель адаптации снова очевидна в наши дни. Столкнувшись с политической маргинализацией и растущим разочарованием среди своей базы, движение смещает акцент в сторону более широкого цивилизационного дискурса. Тем самым оно стремится преодолеть неудачи и сосредоточиться на более обширном видении, которое включает культурные, социальные и идеологические измерения. Этот сдвиг является не просто попыткой «остаться на плаву», но и восстановить свою актуальность в быстро меняющейся среде.

Концепция цивилизации претерпела значительную эволюцию в идеологическом корпусе «Братства». Основатель движения Хасан аль-Банна подчеркивал необходимость восстановления исламской цивилизации, которая объединяла религиозные, социальные и политические области. Со временем влиятельные идеологи, такие как Сайид Кутб, расширили это видение, выступая за всеобъемлющую исламистскую структуру, которая бросала бы вызов западному секуляризму и продвигала отчетливую исламскую идентичность. В последние годы при анализе социальных сетей и интервью представителей движения внимание привлекает то, что некоторые отделения «Братства» начали теоретически пересматривать путь к восстановлению мусульманской цивилизации, предлагая возрождение так называемого золотого века ислама. Это можно воспринимать по-разному: как способ перекалибровки собственного послания после череды политических неудач, как вариант призыва преодолеть существующую фрагментацию за счет общей идеи или же как способ вдохновить современные мусульманские общества и вернуть себе идеологическую значимость.

В этой связи важно упомянуть, что в литературе о «Братстве» часто фигурирует тема эволюции политических и религиозных дискурсов. Как правило, в них светскость противопоставляется религии, а все подходы и концепции, продвигаемые представителями религиозных движений (в том числе и «Братством»), отображаются как отголосок неких «традиционных» (в смысле «неактуальных») методов. Кроме того, часто прослеживается конкуренция между «светским» национализмом (таким как насеризм) и религиозным фундаментализмом и консерватизмом. Однако, что касается мусульманских обществ, логичнее сделать вывод, что ни один из существующих режимов нельзя охарактеризовать как светский, даже если происходит самопрезентация в таком ключе. Каждый из них в той или иной мере использовал исламскую риторику, чтобы заручиться поддержкой населения. Это создавало поводы и для внутренних споров среди «Братства» относительно того, насколько активно нужно вещать о религиозном в политическом поле (Mellor, 2018, p. 112), что, в свою очередь, усилило организационные конфликты и спровоцировало еще большие обвинения, вызываемые двойственностью информации.

КРАТКИЙ ОБЗОР ТЕКУЩИХ СТРАТЕГИЙ

Опираясь на историческую приверженность идеям цивилизационного обновления, БМ переживает переломный момент, вызванный внутренними и внешними вызовами. Фрагментация руководства, снижение публичной активности, отсутствие фигуры главного идеолога (после смерти Юсуфа аль-Кардави в 2022 году) и утрата политического влияния вынуждают движение искать новые пути. Эти усилия направлены не только на решение организационных проблем, но и на переопределение роли БМ как преобразующей силы в мусульманских обществах. Центральное место в этой стратегии

занимает переосмысление исламской цивилизации как динамической структуры, способной объединить социальное, культурное и политическое возрождение с верностью основным принципам движения.

Текущая стратегия БМ предполагает попытку сочетать современные управленческие практики с идеологическими основами движения, чтобы оставаться «в мейнстриме». Это, в свою очередь, необходимо для привлечения неофитов, а соответственно — «сохранения на плаву». А по части адаптации к новой реальности «Братства» абсолютно заслуженно можно назвать одной из самых прагматичных организаций в мире. Знаковым стало интервью представителя политического офиса БМ Хельми аль-Газзара телеканалу Al-Sharq в сентябре 2023 года (Al-Jazzar, 2023), где были озвучены ключевые тезисы: отказ от борьбы за власть как элемент новой идеологии; акцент на социальных программах и защите прав политических заключенных; декларация стремления к национальному примирению в Египте; подчеркивание «исторически хороших» отношений с Саудовской Аравией (при умалчивании о ее «антибратской» позиции).

Это заявление лондонского крыла было частично продублировано стамбульским филиалом, что демонстрирует скорее тактическое единство ради репутации, чем реальное примирение фракций. Нынешняя риторика БМ отражает стратегический прагматизм: они готовы использовать все модные тренды для привлечения аудитории — от мимикрии под правых и левых активистов до заявлений о том, что «законы шариата терпимо относятся к вероотступникам и гомосексуалистам» (TeN TV, 2024), — соответствующее заявление в 2018 году сделал бывший руководитель лондонской фракции Ибрагим Мунир, выступая перед британским парламентом. То есть руководство международной организации, не боясь новых вызовов и последствий провала в Египте, сделало выводы и готово бороться за умы будущих сподвижников в актуальных обстоятельствах.

Глобальное видение БМ отражает их стремление позиционировать себя как значимый голос в дискуссиях об исламе и современности. Текущие усилия по переосмыслению идеологии представляют собой не только стратегическую адаптацию, но и отражение общей трансформации в исламской мысли. Историческая способность БМ к изменениям и ее роль в политическом исламе требуют пристального внимания. Текущий период снижения активности и внутренней трансформации «Братства» не только не является признаком момента снижения его значимости как объекта исследований, но и может послужить плодородной почвой для дальнейших работ по теме.

Способность «Братства» адаптировать идеологические принципы и основы политической коммуникации в ответ на меняющиеся контексты стала ключевым фактором их исторической устойчивости, а вместе с тем — и эволюции. Анализ этой динамики имеет значение для дальнейшего прогноза их потенциального влияния на региональные и глобальные процессы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Характерной чертой организации «Братья-мусульмане» всегда оставалось активное обращение к широкой аудитории с использованием самых разных средств коммуникации — от мечетей и кафе до Telegram-каналов, блогов в иных соцсетях и роликов на Youtube. Однако в настоящее время «Братство» переживает критический этап, характеризующийся внутренней раздробленностью и неопределенностью. После нескольких лет политической маргинализации, последовавшей за провалом политического

проекта БМ в Египте, движение пересматривает приоритеты, смещая фокус с прямого участия в политике на идеологическое обновление, основанное на идеях исламского возрождения. Однако внутренние конфликты и отсутствие единого руководства затрудняют выработку общей стратегии. Исторически БМ демонстрировала способность преодолевать кризисы, но текущая ситуация ставит под сомнение возможность сплоченного переустройства идеологии. Ухудшает ситуацию и усиливающееся внешнее давление на организацию со стороны правительств тех стран, в которых действуют филиалы БМ.

Безусловно, еще многие аспекты деятельности БМ требуют изучения, в особенности — результаты их усилий по развитию тех или иных филиалов. Совершенно очевидно, что «Братству» не удастся достичь каких-либо успехов в политическом поле и стать серьезной угрозой для правительства Абдель Фаттаха ас-Сиси. Члены движения осознают действительность, поэтому публично заявляют об аполитичности организации и нацеленности на социальные проекты (в настоящее время их спектр существенно расширился): курсы по борьбе с безграмотностью, донорские программы лечения тяжелобольных, фонды по ликвидации последствий стихийных бедствий, разработка и развитие халяльных ИТ-технологий и многое другое. Понятно, что в Египте и ряде стран, где движение запрещено, уже существующие инициативы перешли под контроль государства, свернули деятельность или ушли в подполье. Однако имея богатый опыт реализации таких проектов, «Братство» может начинать их вновь и вновь в любой стране, в которой присутствуют.

Акцент на цивилизационном возрождении является возможным путем к объединению и восстановлению влияния группы, однако препятствиями на пути к общей цели помимо глубоких внутренних разногласий могут стать региональные особенности размещения филиалов и международный скептицизм по отношению к исламистским движениям. Несмотря на это, способность организации адаптироваться к меняющимся условиям остается ее ключевой характеристикой, что делает мониторинг ее эволюции важным для понимания региональной и глобальной динамики. В этой связи заслуживают внимания попытки БМ создать актуальные нарративы и «влиться в мейнстрим». Текущая фаза «затишья» требует тщательного изучения, поскольку она означает не просто замедление и упадок, но и постепенную внутреннюю трансформацию, которая рано или поздно оформится в новое видение группы. Итоги могут определить не только будущее самого «Братства», но и более широкого спектра исламистских движений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ражбадинов, М. З. (2003) *Египетское движение «Братьев-мусульман»*. М.: Институт востоковедения РАН.
- Яхьяев, А. М. (2020) К вопросу о природе исламского «возрожденчества» и причинах его распространения. *Исламоведение*, 11(1), 38–46.
- Abdel Kader, M. (2013, 14 октября). Turkey's relationship with the Muslim Brotherhood. *Al Arabiya English*. <http://english.alarabiya.net/en/perspective/alarabiya-studies/2013/10/14/Turkey-s-relationship-with-the-MuslimBrotherhood.html>
- Abdul Rahman, W. (2022, 22 июля). Media war deepens division among Muslim Brotherhood's foreign fronts. *Asharq Al-Awsat*. <https://english.aawsat.com/home/article/3788471/media-war-deepens-division-among-muslim-brotherhood%E2%80%99s-foreign-fronts>
- Al-Anani, K. (2016) *Inside the Muslim Brotherhood: Religion, Identity, and Politics*. New York: Oxford University Press.
- Ali, A.J. (2012) Contemporary Islamic Revivalism: Key Perspectives. *American Journal of Islam and Society*, 29(1), 60–97.
- Al-Jazzar. (2023, 23 ноября). لقاء مع د. حلمي الجزار مسؤول المكتب السياسي لجماعة الإخوان المسلمين على قناة الشرق [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=Net4fgr1ke8>
- Daily News Egypt. (2015, 13 сентября). Turkey-based TV host sentenced to 8 years in prison. <http://www.dailynewsegypt.com/2015/09/13/turkey-based-tv-host-sentenced-to-8-years-in-prison>
- Della Porta, D. & Diani, M. (2020) *Social Movements: An Introduction* (3rd ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Dr. Salah Abdel Haq. Acting General Guide. (2024). *International Organization of the Muslim Brotherhood*. <https://ikhwan.site/en/pv-134>
- Istanbul-based pro-MB channel to stop broadcast after Turkish pressure. (2015, 16 августа). NSNBC. <https://nsnbc.me/2015/08/16/istanbul-based-pro-mb-channel-to-stop-broadcast-after-turkish-pressure/>
- Magued, S. (2017) The Egyptian Muslim Brotherhood's Transnational Advocacy in Turkey: A New Means of Political Participation. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 44(3), 342–359.
- Mellor, N. (2018) *Voice of the Muslim Brotherhood: Da'wa, Discourse, and Political Communication*. London: Routledge.
- Tarrow, S. (2011) *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics* (3rd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Wickham, C. R. (2002) *Mobilizing Islam: Religion, Activism and Political Change in Egypt*. New York: Columbia University Press.

REFERENCES

- Abdel Kader, M. (2013, October 14). Turkey's relationship with the Muslim Brotherhood. *Al Arabiya English*. <http://english.alarabiya.net/en/perspective/alarabiya-studies/2013/10/14/Turkey-s-relationship-with-the-MuslimBrotherhood.html>
- Abdul Rahman, W. (2022, July 22). Media war deepens division among Muslim Brotherhood's foreign fronts. *Asharq Al-Awsat*. <https://english.aawsat.com/home/article/3788471/media-war-deepens-division-among-muslim-brotherhood%E2%80%99s-foreign-fronts>
- Al-Anani, K. (2016). *Inside the Muslim Brotherhood: Religion, identity, and politics*. Oxford University Press.

- Ali, A.J. (2012). Contemporary Islamic revivalism: Key perspectives. *American Journal of Islam and Society*, 29(1), 60–97.
- Al-Jazzar. (2023, November 23). لقاء مع د. حلمي الجزار مسؤول المكتب السياسي لجماعة الإخوان المسلمين على قناة الشرق [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=Net4fgr1ke8>
- Daily News Egypt. (2015, September 13). Turkey-based TV host sentenced to 8 years in prison. <http://www.dailynewsegypt.com/2015/09/13/turkey-based-tv-host-sentenced-to-8-years-in-prison>
- Della Porta, D., & Diani, M. (2020). *Social movements: An introduction* (3rd ed.). Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
- Dr. Salah Abdel Haq. Acting General Guide. (2024). *International Organization of the Muslim Brotherhood*. <https://ikhwan.site/en/pv-134>
- Istanbul-based pro-MB channel to stop broadcast after Turkish pressure. (2015, 16 абрята). NSNBC. <https://nsnbc.me/2015/08/16/istanbul-based-pro-mb-channel-to-stop-broadcast-after-turkish-pressure/>
- Magued, S. (2017). The Egyptian Muslim Brotherhood's transnational advocacy in Turkey: A new means of political participation. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 44(3), 342–359.
- Mellor, N. (2018). *Voice of the Muslim Brotherhood: Da'wa, discourse, and political communication*. Routledge.
- Razhabdinov, M. Z. (2003). *Egipetskoe dvizhenie “Brat'ya-musul'mane”* [The Egyptian “Muslim Brotherhood” movement]. RAS Institute of Oriental Studies. (in Russian)
- Tarrow, S. (2011). *Power in movement: Social movements and contentious politics* (3rd ed.). Cambridge University Press.
- TeN TV. (2024, April 30). أهل الشر — إبراهيم منير: لا تعارض بين الشذوذ الجنسي والإلحاد وبين الشريعة [Video]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=dKb9PnS-bDc>
- Wickham, C. R. (2002). *Mobilizing Islam: Religion, activism and political change in Egypt*. Columbia University Press.
- Yakhyayev, A. M. (2020). K voprosu o prirode islamskogo «vozrozhdenchestva» i prichinakh ego rasprostraneniya [On the nature of Islamic “revivalism” and reasons for its spread]. *Islamovedenie*, 11(1), 38–46. (in Russian)